

Юлия Кисина

ПАСЕКА

Пчёлы вавилонские башни плетут.
Смешав языки насекомых, мед
Запускает их вкруговую по звездам.
На пасеке — столпотворенье.
Медовые пирамиды погребают полдневную сладость.
Граненные соты прячут по колизею.
И в каждом пекут гладиатора.
Воюют они со шмелями
И с полосатыми осаами.
Смертоносные пчёлы ныряют в свои города.
Пересекают телами воздушные траектории.
Просеивают их через тельца и ангелами остаются.
Короткие радиоволны
время слепое прядут.
Время ложится широкими складками
вместо одежды на тело.
Вавилонские ульи почти дотянулись до неба.
Каждая сота приближает нас к смерти.
Вот-вот лопнет башня от сильного взрыва.

х х х
х

Я шла, превращаясь во всё,
Наверстывая свои колени,
Щелкая хлопущими волос.

Сквозь меня проходил ребенок,
горький как обязательное,
праздничный как сусальное золото.

Лошадь бежала во мне,
состоящая из вибраций —
двойной осциллограф.

Потом проходила женщина,
с сердцем как у ассиролога —
бородатым.

Потом проходил мужчина
с сердцем из стекломассы.

Потом собака бежала,
легкая как ловушка.

Потом зеркало проносили,
скользкое как три рыбы.
И оно ускользнуло в море,
потопив монополию нефтяную.

Потом шла я сама —
Матрешка античная
С полотенцем на голове,
Как на храме Бармы и Постника.
И храм отвечал мне двойной спиралью.

х х
х

Когда ветер окислялся Икаром,
Когда щедро себя раздаривал страх,
Когда окончилась самораздача,
И юмор, нежный как слизистая оболочка,
Проявлял мои губы.
Когда распределение чувств
Начиналось с младших детей,
Когда из посвиста мужчины
Сотворялась женщина,
Когда из ванной голое шло электричество
В образе мокрой богини.
Когда на пляже купальные штуки рассохлись,
как кусочки известки отлипнув,
и стыд отлетел.
Когда фигуры из тира отстреливались губами,
обжигая,
Я вышла из храма Р.
С вертикальным шрамом на спине,
На котором цвела медуница.

х х х
х

Позвоночник твой взрыт, как стеклянный карьер.
По нему проплывала наверно галера,
будто клевера поле в лопатках горело.
И Гермес проживал в перемычках колен.

И нечаянные чашечки — кожи сачки
Накопили тяжелое свойство пространств
и бродили в тебе ледяные жучки,
Как крючочки пристрастий.

Как тяжелое поле берет невесомость,
Как неопытный летчик глотает мотор,
тяжело гроыхает в тебе невеселость —
Электричества острый моток.

Расставайся со мной в парусиновой куртке
И с трилистником нежным от ящериц скользких.
И трехнефное небо в полотенце закутай,

ДАГЕРРОТИПЫ

Зайцы ныряют сквозь щикототки и коленки.
Нырок щекочет под мышкой.
Мне тоже щекотно от фотоленты.
В изображениях есть излишки.
Хочешь , надевай пиджак и будь отважным,
Распечатай будущее как посылку.
Время засеяно глухим проявителем влажным,
Как фотопластинка.
Но всё, довольно, век дагерротипа иссяк.
В бинокле висит пространство и так и сяк.
Сквозь него скачут зайцы, мелованные пулями нежными.
И окуни скачут своими морями небрежными.
Крапивой обрастают десны — австролопитеки.
Дети архаику ковыряют острой палочкой.
Биологи соревнуются, тычинки затыкая за пестики,
пестики за тычинки.
Фотографы ткут изображения антилоп и пап.
Если фотографировать шахматы — на полях пат.

ЧЕРНИГОВ. ПУШКИ НА ГОРОДСКОЙ СТЕНЕ.

Под пушками пловы ядер рассыпаны.
Пушка выстрелы как черносливы печёт.
Ее чутун уже умирает от сытости.
Чёт. А теперь нечёт.

Пушками выстланы внутренности морей,
Как бахча — дыней.
На огороде растёт порей.
На твердыне — твердыня.

У них колеса помазаны клевером,
Как войны помазаны югом и севером.

Пушке прививка — любовь и притяжение,
И глаза внимательное движение.
Теперь она лишь экспонат
в роде венчика доисторической травы.
Как бинокль, дирижабль, серый журавль и миракль.
И вечное.
А ещё мы да вы.

БУМЕРАНГИ

Бумеранги как диски Австралии.
Эти нежные дети астральные.
Блудный сын, запускающий в небо петлю,
Это ты небеса пришиваешь к нулю?
Ни петля, ни ловушка и ни лассо,
А пространства и зрения колесо.
Как играл осциллографом юный Орфей,
Так на небо выходит играть кифаред
И играет в крокет,
дуралей.
Так пространств и прыжков стадион непочатый.
У балета в прыжке бумеранг запечатан.
Он везде воплощен: он модель и скелет.
Бумеранги любви выползают на свет.

ГРУНТ

Под моими ногами чернозем отрезвился и умер внезапно.
Кроты — поля подземного зрения обегали,
земного — вытапывали, оставляя время на завтра.
Зоркие парашюты ледники умывали.
Под землею лоснились кроты мелкою пеной.
Блестели-наоборот, мучились в неизвестности.
И корни как гусеницы метрополитена
Преодолевали окрестности.
Они как гири дрожали под мускулами муравьиных семейств.
Розовели шахты как внутренности бизона.
Шприцом поворачивался муравьиный самец
и прятался от озона.
Под землей было душно, как внутри лягушки.
Грунт линял как нервы младенца.
Под землей шевелились киты и шелкали хлопущки.
На морях происходили муравьиные действия.

РЫБАКИ

И море как рыба — двуполо и плотно
Своей чешуею её подменяет,
И вот электрическим током линяет,
Раскрыв как моллюска высокую лодку.

В ней странники, крик обнажая до ребер,
Развесив на солнце соленные сетки,
Лопатами в море расчистят дорогу,
Как дворники чистят львиные клетки.

Два пальца сглотнув, засвистят и замолкнут,
И в море густом, как губная помада,
Зашьют все поверхности, в рыбах намокнув,
И пену разбив на куски шоколада.

ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА

Дай золотой купорос —
Персиянка рассыпалась миниатюрой.
Только левкас заморозит фарфоровый танец.
Два электрода как белая молния в книге торчат.
Контурных карт атрибуты — профили и караваны.
В белую мышь впечатан расход
на женскую красоту.
Там спариваются улитки,
Ожерелья растя на камнях.
Там спариваются камни,
Растрескивая подземный свод,
образуя миниатюры
на виноградных жилах,
Растя золотых насекомых.
Персики щиплют балетом
Своих перепуганных сил.
Кожа на персиянках
Сворачивается
в монеты.

ВЗЛЕТНАЯ ПОЛОСА

Здесь самолет зашит в стремительное ложе
Пурпурной полосы — кривой подземных сил.
Он как модель шмеля сам на себя помножен,
Застегнут в небесах, взвинтивших свой накал.

Еще ревет мотор, скупой как стая свиста,
И ты бредешь на пляж с челном наперевес.
Ослепнув от зари и ошалев от роста,
И птичья кровь в тебе угадывает вес.

Ты горек и смешок, и праведен и ложен,
Раскосый как Китай выходишь на шоссе.
Как стая облаков в своем прозрачном ложе
Ты будешь почивать на летней полосе.

Соленный небосвод в зрачке слепящем выжжен.
Ты жарок как укол и холоден как яд.
И вся земля как тень становится на лыжи,
Вдыхает рост и вес и движется вперед.

х х х
х

Расхищен виноград. Раздарен дикий воздух,
Развязано вино, как пояс амазонки.
И медный самолет с мотором на стрекозах
Разрежет пополам ушные перепонки.

Как цапли в волосах расходятся каноны,
Им тяжело и густо запутываться в басме,
Им тяжело кричать, как перепелу в басне.
Растащен виноград, раздавлены лимоны.

Сквозь ветер проходить трудней, чем через камень,
Напудрены собаки свивающейся пылью.
Я калькою шуршу и разветвляюсь пальмой,
Как море ухожу в светящуюся келью.

Растащен виноград, как внутренности Марса.
В музее ни души, лишь блики спелых молний.
И спят как на весах стихи степного мяса.
И лодки — письма и лопасти безмолвий.

ПЛЯЖ

И на пляже купальные штуки разошлись,
Будто в тонких силках завывали красоты,
Будто треснуло небо вишневого темного сока,
Будто вся саранча, очумев, от наскока усохла.

Там, на пляже, в распилах конструкторов дивных
Как металлы сияли тела,
И в расщелины скал полудиких
Как в воронки вся память ушла.

И как нежные раки на шее — столбики солнца
Шевелили клешнями, покатались в запястья.
С языка уворованы были привкусы соли.
И рыбы и птицы проходили сквозь пальцы.

ТЕННИС

Крепкие корты лежат, пластам земли под стать.
Нам бы на цыпочки, небо лизнув, привстать.
Себя сравнить с муравьем, рассыпать на гравий.
На теннисной сетке плясать в толще хореографий.
Румянец разрежет щеки на две половинки.
Как апельсины ты будешь пахнуть.
Крепкие корты лежат, как полуботинки,
Не подпуская слякоть.
Будешь из сетки выпрыгивать, как график прироста,
Себя прѣвысив, трость обнажив протеста,
Будешь из этой сетки тростью
Снег вытряхивать.
И за плечами вынося микроскопы,
Вместо аэропланов, как ранец
Радиус бега измеришь в своих мокроступах,
Покидая
 большой
 теннис.

НЕФТЬ

Лакомка-нефть мой черносливы крадет.
Поверхность её без изъянов, сплошная как камень и крот.
Из нефти
Как растворенные косточки яблок в молочной пыли,
Стаи кошек высоковольтных вертикально бегут от земли.

Когда под языком прячется юркая мышь,
Нефть отправляет в небо червлёный кишмиш.

Нефть-двуколка, чёрный дельфин-лимузин,
Пробирающийся к невесомости по трубе.
На языке у меня квасцы и тень.
И нефть алая как террористка у меня на губе.

БЕНЗИН

Мокрых пропастей резиновых
нежней автосчетчики.
Они отсчитывают количество бензина,
Просиявшего в течение точки.
Бензину привит весь солнечный спектр.
Он делится на семь частей, каждая — сектор.
Н-2-0 антилопа в бензине пляшет,
Пряхи сидят в моторах.
Звук автогонки слух вспашет,
Засевая его поры.
Из бензина я шила бы широкие шаровары,
Зеркала бы лепила, умирающие в зрачке.
В бачки заправляют муары
В сачке.
Солнечных часов со свечкой и палочкой нежнее
Автомобильные лимфы и финты.
Бензиновые заросли ещё южнее,
Чем гиацинты.

Дети крадут разъедающий шелк перепонки ушных.
 Им бы не выронить слух, иначе услышишь:
 Сквозь азбуку нежно крадутся налимь
 И гласные вывинтят ртами.
 И буквы горошком покатаются в горло,
 И мы поперхнемся. Рдзе подавится цхали.
 И там, в ледниках побьётся посуда,
 И мейсенские пастушки – фарфоровый газ
 альпинистов удушат.
 Там на Кавказе, где звезды как пышная лимфа цветут,
 Где в походе четвероногих желание ливера,
 А в жарких колючках сияние севера,
 Где в лапах тайная кровь сквозь тебя протекает –
 Нырок в Междуречье.
 Где идет производство лакомств и равенств,
 Где миры над тобою висят
 в необузданной жажде глаголов,
 Где реки проходят вдоль свиста,
 Где черви влюбляются в Еву.

В ГАМАКЕ

Качаясь в шахматном прозрачном гамаке,
И в ситечке разбрызганном качаясь,
И в маятнике длинном не кончаясь,
Со сферою прекрасною сличаясь,
Разыгрываю вспышки в гамаке.
Криволинейный свет со мною слит.
Он круглый или, может быть, спиральный,
Как домино язычески-игральный,
Вокруг плеча он как ффарфор локальный
Криволинейный свет со мною слит.
Качаясь в биосфере на краю
Крупнозернистых вспышек вертолетов,
Я вспоминаю медленно кого-то,
Который в био-сфере как в раю.

х х х

Лопатки севером помажу,
чтоб серебрились попрозрачней.
Пергаментные крылья я
Пришью к хребту полоской света,
чтобы прочнее воспарить.
Я ребра вымажу гранатом,
чтоб слаще было сердцу спать,
На них пергамент натяну
И в сердцевину загляну.
На ноги два серпа надену,
Чтобы следы острее были.
На шею лестницу повешу,
А в ухе буду рай носить.

ТЕЛЕСКОП

Как армии отсвечивают листья,
Как полководец сытый телескоп
в ночной глазок полнеба запекает
И ввинчивает зарево в зрачок.
Как будто шкура льва пробита страхом.
Так блещет зодиак побитым мехом
и под лопаткой цапля и песок.
Сияет раскаленный четверик,
Как будто он похож на материк
Под пленкой, по^у стекляшкой телескопа.
Как треснутая лампочка в песке,
Так солнце в ободке из плексиглаза
и море — золотая стекломасса
Из лиственного крыма в ободке.
Так плещется в пространстве телескоп:
Есть у него заскок: из перспектив
Он сферу вырывает как изнанку
Безоблачного среза бытия.
Он перцем посыпает буквари,
Он буквами припишет наши раны,
Чтоб армиями в теле запеклись.
Свиреп и чужероден телескоп.
Он звезды запечатывает в карты,
Сверяя их прыжки с кардиограммой.
Разбрызгивая небо как свирель.

ГРОЗА

Кто взрывает пистоны, кто телом дрожит,
Кто огонь взбудоражил и плетью несет?
Кто прозрачно как сон антилопы бежит,
Где чесночная сера цветет?

Кто на выпас послал золотую грозу,
Ледяную дугу из бугров снеговых,
Кто пасет червяков над землей навесу
И узоры сплетает из них?

Это два полушария мозга сошлись
И влюбились, и молния стала меж них,
И фотоны с небесной цепи сорвались
И бросаются вниз.

Или баня развесила здесь узелки
И умылись в своих вертикалях поля
И вскрывают как вены ступнями силки
Девки голые как соболя.